

Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы¹

Аннотация. В статье рассматривается деятельность как важнейшая составляющая бытия человека. Раскрываются особенности деятельности с позиций различных областей знания: философии, психологии, социологии. Отдается предпочтение деятельностному подходу, в основе которого лежит категория «предметная деятельность». Она носит материальный характер и не просто определяет деятельность как взаимодействие человека с окружающим миром, а отражает изменения, которые являются результатом активности человека. Затрагиваются различные аспекты теоретической и практической деятельности на примере юридической деятельности, которая носит сложный интеллектуальный характер. Юридическая деятельность нередко характеризуется через юридическую практику — одну из разновидностей социальных практик. Отражено некоторое сходство этих категорий, как и различия между ними. В статье дается авторская дефиниция юридической деятельности, ориентированная на профессиональную правовую деятельность. Она не может претендовать на универсальный характер в силу различных видов профессиональной юридической деятельности. Тем не менее конкретизируется, что профессиональная юридическая деятельность — это всегда деятельность, осуществляемая на основе права, в правовых формах, она направлена на достижение целей, установленных правом. Показано влияние цифровых технологий на различные виды юридической деятельности. Особенно в условиях пандемии, когда традиционные формы коммуникаций уступили место виртуальным. Отмечается, что это влияние носит двойственный характер, то есть, с одной стороны, повышает эффективность коммуникаций, а с другой стороны, приводит к некоторым рискам и проблемам. Особенно на фоне того, что значительная часть нашего населения все еще не имеет доступа к современным информационно-коммуникационным системам.

Ключевые слова: деятельность; дигитализация; право; правотворчество; правореализация; правоохрана; профессиональная юридическая деятельность; юридическая практика.

Для цитирования: Корнев А. В. Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 21–30. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.021-030.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16114.

© Корнев А. В., 2021

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Kornev_av@rambler.ru

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

Juridical Activities in the Digital Age: A Concept, Content, Forms²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Kornev_av@rambler.ru

ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993

Abstract. The paper examines activity as the most important component of human life. The author elucidates the features of activity from the standpoint of various fields of knowledge: philosophy, psychology, sociology. The preference is given to the activity approach, which is based on the category of “substantive activity.” It is substantive in nature and does not simply define the activity as human interaction with the outside world, but reflects the changes that constitute the result of human activity. Various aspects of theoretical and practical activity are touched upon on the example of legal activity, which is of a complex intellectual nature. Legal activity is often characterized through legal practice — one of the varieties of social practices. Some similarities of these categories are reflected, as well as differences between them. The paper gives the author’s definition of legal activity focused on professional legal activity. The definition cannot claim to be universal due to various types of professional legal activity. Nevertheless, it is specified that professional legal activity is always an activity carried out on the basis of law, in legal forms; it is aimed at achieving the goals determined by law. The author demonstrates the impact of digital technologies on various types of legal activities. Especially in the conditions of the pandemic when traditional forms of communication have given way to virtual ones. It is noted that this influence is of a dual nature, that is, on the one hand, it increases the efficiency of communications, and, on the other hand, it leads to some risks and problems, in particular, against the background of the fact that a significant part of our population still does not have access to modern information and communication systems.

Keywords: activity; digitalization; right; lawmaking; legal implementation; law enforcement; professional legal activity; legal practice.

Cite as: Kornev AV. Yuridicheskaya deyatel'nost' v tsifrovuyu epokhu: ponyatie, sodержание, formy [Juridical Activities in the Digital Age: A Concept, Content, Forms]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(6):21-30. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.021-030. (In Russ., abstract in Eng.).

Сегодня человечество столкнулось с вызовом планетарного масштаба. Устоявшиеся модели — политические, экономические, социальные и прочие — подвергаются своеобразному испытанию. По всей видимости, нам придется освободиться от множества иллюзий, которые доминировали еще относительно недавно. Однако не подлежит никакому сомнению тот очевидный факт, что технологические инновации будут менять нашу жизнь. Хочется надеяться, что к лучшему. Как известно, слово «прогресс» и его материализация относятся к одним из самых противоречивых. В чем-то человечество продвигается вперед, а в каких-то сферах всё происходит наоборот. «Все прогрессы — реакционны, если рухнет человек. Не купить нас холодной игрушкой, механическим соло-

вейчиком! В жизни главное — человечность...» (А. Вознесенский).

Поэт в России — больше, чем поэт (Е. Евтушенко). «Лирики», в отличие от «физиков», первыми почувствовали угрозу, которую несет современность душе человека, то есть тому, что по большому счету и составляет его сущность. Но это тема отдельного разговора. Сегодня в научных и других кругах все чаще обсуждается проблема становления «нового» человека, который формируется принципиально иным укладом бытия общества и государства. Появляется соответствующая литература, в которой авторы описывают действительность, а главным образом строят прогнозы относительно скорого будущего. В этой связи можно сослаться на книгу Криса Скиннера «Цифровой человек.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16114.

Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого». Работа представляет значительный интерес. Однако не покидает ощущение, что автор несколько переоценивает значение технологий, которые, по его мнению, самым серьезным образом поменяют структуру общества, изменят саму суть *человеческой деятельности*.

К. Скиннер описывает процесс «цифровизации» человечества. Конечно, всё, что можно «оцифровать», будет «оцифровано». Ему кажется, что технологии помогут преодолеть бедность, которая имеет место в самых передовых и развитых странах, причем в таких серьезных масштабах, что невольно задаешься вопросом: а почему, собственно говоря, эти страны принято считать самыми благополучными? Цифры приводить не имеет смысла. Они хорошо известны. Скиннер серьезно считает, что одной из самых главных причин бедности, имущественного расслоения является отсутствие доступа к современным финансовым услугам.

Это просто наивно, и не добавляет автору академической респектабельности. Бедность порождена соответствующей социально-экономической системой, которая сложилась в той или иной стране. Где-то она меньше, а где-то больше. Взять, к примеру, современную Россию. У нас фактически нет среднего класса, только по роду *человеческой деятельности* он якобы существует. Но это далеко не так. Мы страна с самой высокой поляризацией населения, что является серьезнейшей социальной проблемой. И никакие технологии победить бедность не могут. Допустим, все получают доступ к финансовым услугам. Ну и что? Деньги, пока они существуют, являются в данном случае эквивалентом оценки *деятельности* того или иного человека. Если он не производит никаких ценностей, не оказывает никаких услуг, не находится на «заслуженном отдыхе», то за что ему платить? «Быть или не быть, вот в чем вопрос» — материализуется сегодня в такую категорию, как *деятельность*. В данном контексте У. Шекспир по-прежнему актуален.

Всё больше и больше говорят и пишут о том, что машины, роботы, одним словом — искусственный интеллект, отберут работу у человека. К. Скиннер приводит результаты исследований ученых из Оксфордского университета, которые считают, что в ближайшие два десятилетия 47 % рабочих мест в США испытают «высокий риск компьютеризации». С точки зрения экономистов из Бостонского и Колумбийского университетов, «умные машины» могут вызвать «долгосрочное снижение доли заработной платы в структуре доходов». В США роботы могут занять около 40 % рабочих мест в самое ближайшее время, всего 10–15 лет.

К. Скиннер ссылается на мнение Шелли Палмера, руководителя консалтинговой компании Palmer Group, работающей в сфере технологий и бизнеса, который считает, что роботы претендуют на пять специальностей:

- менеджеры среднего звена;
- продавцы в розничной торговле;
- составители отчетов, журналисты, авторы и ведущие;
- бухгалтеры и помощники бухгалтеров;
- врачи.

Однако Скиннер считает, что Шелли упустил еще одну профессию, а именно юристов. Он полагает, что распределенные реестры и искусственный интеллект приведут к пересмотру правовой сферы и к ее дигитализации. В этой связи юристы будут просто не нужны³.

Разумеется, возникает вопрос: а чем будут заниматься люди, которые не заняты никакой трудовой деятельностью?

По мнению К. Скиннера, неквалифицированные рабочие будут обслуживать роботов и машины, квалифицированные — создавать с роботами и машинами удивительные услуги, а машины начнут развивать сами себя и управлять друг другом. Даже если машина способна управлять собой, то это вовсе не означает, что она никогда не сломается. В чем действительно стоит согласиться с автором, так это в том, что «...если машина оснащена искусственным интеллектом, это совершенно не означает, что

---

³ Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М., 2019. С. 110, 112.

она не будет нуждаться в интеллекте человека, необходимом ей для следующего прорыва»⁴.

И все-таки не покидает ощущение некоторой маниловщины от подобных точек зрения. Конечно, машины могут в какой-то степени вытеснить человека. Особенно это актуально в тех сферах, где по-прежнему тяжелые условия труда или он вреден для здоровья человека. Да, машины здесь особенно необходимы.

Тем не менее следует учитывать и другие обстоятельства. Во-первых, чем занять такое огромное количество ничем не обремененных людей? Говорят иногда так: «Пусть занимаются какой-то творческой деятельностью». Но какой? Да и потом, все ли способны к творчеству? Разумеется, нет. Конечно, человек более всего мечтал ранее о блаженном безделье, чем о насыщенном, тяжелом труде. Тем не менее не надо фантазировать без меры.

И. А. Гончаров, описывая быт жителей Обломовки, подмечает: «Они сносили труд как наказание, наложенное еще на праотцев наших, но любить не могли, и где был случай, всегда от него избавлялись, находя это возможным и должным»⁵.

Сейчас совершенно другая эпоха, а крестьянский труд, даже при максимальной механизации, по-прежнему тяжел, как никакой другой. И опять мы сталкиваемся с парадоксальным явлением. В нашей стране, как показывают опросы общественного мнения, работа (деятельность) менеджера, финансиста, депутата является более престижной, чем хлебороба-крестьянина, по сути того, кто нас всех кормит. Во многих странах проводят мониторинг профессий по степени социальной полезности, значимости. Когда читаешь, что воспитатель детского сада или школьный учитель в каких-то «европейских палестинах» общественным мнением ставится по этому критерию выше, чем банкир, становится несколько не по себе. Как тут не вспомнить Андрея Вознесенского!

К. Скиннер больше занимается новыми технологиями в банковской сфере, так называемым финтехом. Так вот, крупнейшие банки Европы и

США постепенно уступают лидерство «азиатским тиграм» как по количеству активов, так и по внедрению современных, в том числе цифровых, технологий. Топ-менеджмент в банковских структурах Европы и США по-прежнему состоит из экономистов, финансистов и юристов. В наиболее передовых странах Азии в аналогичной сфере давно лидируют инженеры, то есть «технари», как принято их называть в современном упрощенном, иногда до неприличия, языке.

Да, финансовая сфера, как нетрудно догадаться, может быстрее других меняться в том смысле, что машины будут вытеснять людей. И это оправданно со всех точек зрения.

Тем не менее, как показал 2020 год, даже в условиях пандемии в США и некоторых государствах Европы по большей части безработные (а их в структуре трудоспособного населения оказалось от 6 до 12 %), по сути, диктовали власти свои условия. То есть ставили на колени полицию, выдвигали подчас нелепые требования местным властям. И что удивительно, те безропотно подчинялись агрессивной улице. В этой связи самой смелой фантазии не хватает представить, что будет, если таковых (безработных) или частично занятых, а таких только в США уже 30–35 %, станет больше половины? Тут не только полиция будет поставлена на колени, но и само государство как таковое. Что вообще можно говорить после захвата и учиненного погрома участниками марша «За спасение Америки» здания Конгресса США? А ведь это одно из самых охраняемых зданий США. Поэтому занятость, как представляется, будет определяться не столько технологическими факторами или экономическими (машины дешевле людей), сколько социальными и политическими. Власть, причем любая, озабочена прежде всего воспроизводством самой себя. Иными словами, самосохранением, как бы банально и в то же время откровенно это ни звучало. Поэтому будут обеспечивать массы людей работой не потому, что их труд необходим, а для того, чтобы, получая за свои услуги какое-то вознаграждение, они могли бы решать самые необходимые жиз-

⁴ Скиннер К. Указ. соч. С. 113.

⁵ Гончаров И. А. Обломов. М., 1985. С. 92.

ненные потребности. В конце концов, это проблема стабильности, а стало быть, социальной безопасности.

В данном случае надо поменьше прожектерства. У нас, в России, с этим дефицита не наблюдается. Тем не менее нужно осмысленно, рационально и объективно подходить к проблеме. Не как один из героев романа А. И. Герцена с говорящим названием «Что делать?» Алексей Абрамович Негров, отставной генерал-майор и кавалер, толстый рослый мужчина, который после прорезывания зубов ни разу не был болен, ибо «одно правило гигиены он исполнял только: не расстраивал пищеварения умственными напряжениями и, может быть, этим стяжал право не исполнять всего остального»⁶.

Этот персонаж вспомнился в силу особенностей современного общественного дискурса, как принято сегодня говорить. Без каких-либо оговорок предлагается считать: демократия — хорошо; частная собственность — прекрасно; рынок — просто восхитительно и пр. Как раз сегодня эти стереотипы рушатся в силу своей искусственности. Наша наука — политическая, экономическая, юридическая — не избежала этой стереотипности. В этом подлунном мире нет ничего одномерного. Другое дело, что в нашей стране одна «программная установка» поочередно меняет другую: перестройка (в народе ее перефразировали на перестрелку), ускорение, демократизация, капитализация и пр. Теперь вот наступил черед всеобщей «цифровизации, информатизации, роботизации».

Тем не менее у всего есть мера, некая «критическая масса». Огромное количество незанятых людей есть серьезная проблема, и любое общество, как и государство, будет ее решать по-своему.

Я не склонен думать, что юридическая профессия будет умирать. Она порождена собственностью, властью и конфликтом. Не только, но этим в первую очередь. Предполагать, что все эти институты исчезнут в самое ближайшее время, — значит впадать в иллюзии.

Другое дело, что само право и профессия юриста могут меняться. Убежден в некоей

трансформации права от социального регулятора к технологическому ресурсу, системе четких правил поведения в следующих «координатах»: человек — машина — общество — государство. Если современной цивилизации суждено развиваться в рамках технологической парадигмы, то все ее сферы, включая право, будут, несомненно, «технологизироваться». В том числе с помощью машин.

В настоящее время появляются всё новые сферы правового регулирования. Технологии как бы «опережают» право. Иногда право просто не в состоянии регулировать тот или иной комплекс отношений. Да и сами отношения меняются. Мы все-таки привыкли к осязаемости, если так можно сказать, к материальности отношений. Тем не менее уже почти адаптировались к явлению и соответствующей семантической конструкции — «дополненная, виртуальная реальность».

Как и во времена теперь уже прошедших промышленных революций, особое значение приобретает система ценностей, на которых основывается бытие общества. Ценности и технологии — тема чрезвычайно важная, пока что не пользующаяся вниманием отечественной социальной науки.

Ценности — составная часть юридической деятельности. Право само по себе представляет собой ценность. Однако в качестве универсального социального регулятора право, в свою очередь, опирается на основополагающие ценности. Что будет представлять собой мир, если в нем исчезнут гуманизм, справедливость, человеческое достоинство? Остается только догадываться. Нужно понимать, что развитие технологий, равно как и их регулирование, пусть часто и запаздывающее, должно осуществляться в рамках тех ценностей, которые имеют поистине универсальный характер.

Клаус Шваб в своей книге воспроизводит позицию Стюарта Уоллиса, спикера и сторонника Новой экономической системы (Великобритания): «Учитывая беспрецедентную скорость технологических и социальных изменений во время четвертой промышленной революции,

---

⁶ Герцен А. И. Что делать? Повести. М., 1985. С. 27.

нельзя надеяться, что желаемый исход можно получить исключительно с помощью государственного законодательства и экономических стимулов. К тому времени, когда законодательство вступает в силу, оно часто уже устаревает, становится оторванным от реальности или излишним. Единственный способ гарантировать положительные результаты — дальнейшая революция ценностей»⁷.

Коль скоро право представляет собой основной канал воздействия на общественные отношения, то всё, что связано с правовой сферой, самым тесным образом соотносится с юридической деятельностью. Как и всякая другая специфическая деятельность, она производна от базового понятия.

Деятельность можно рассматривать по меньшей мере с философской, психологической, социологической позиции. В этих науках сложились определенные подходы.

Итак, в философии деятельность есть «...специфически-человеческий способ отношения к миру — “предметная деятельность” (Маркс); представляет собой процесс, в ходе которого человек воспроизводит и творчески преобразует природу, делая тем самым себя деятельным субъектом, а осваиваемые им явления природы — объектом своих действий. В деятельности человек осваивает предмет, делает его мерой и сущностью своей активности. При этом человек не просто взаимодействует с природой, а постепенно включает ее саму в состав своей материальной и духовной культуры»⁸.

Этот некогда традиционный взгляд на природу деятельности и основанный на нем «деятельностный» подход, с моей точки зрения, не утратил своего значения и поныне. Всё, что нас окружает, весь этот физический, социальный, технологический и виртуальный мир, есть результат нашей деятельности/бездеятельности. Материалистический взгляд на мир вполне соотносится с религиозным мирозерцанием. О лжепророках сказано: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с

репейника смоквы? Так, всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь»⁹.

Библия — величайшая книга. Дерево здесь, по всей видимости, не стоит воспринимать буквально. Всё, что не плодоносит, не дает нужных результатов, должно быть отброшено, забыто или даже уничтожено. Под «деревом» в современном значении можно понимать экономическую, юридическую или политическую модель. И тем более какие-то отдельные законы или, наоборот, их отсутствие. Всё это тоже является результатом деятельности/бездеятельности.

Традиционно различают практическую и теоретическую деятельность. Есть особенности и у той, и у другой. Когда человек мыслит, он пытается понять и оценить то, что его окружает. Мы очень часто используем слово «действительность».

Когда человек занят мыслительной деятельностью, он пытается выявить суть явлений и вещей. Человек и всё вокруг него — проблема вечная. В сравнительном правоведении (компаративистике) особенности «юридического мышления» используют в качестве одного из критериев классификации правовых систем (семей). Конечно, если смотреть на это со строго научных позиций, то никакого юридического, математического или исторического мышления быть не может. Это всё очень условные категории, как и многое из того, что человек пытается понять и описать. Тем не менее профессиональная, в данном случае юридическая, деятельность имеет свои особенности.

Прежде чем что-либо делать, обычно человек должен подумать. Но надо прямо сказать, что отечественная интеллектуальная традиция во все исторические времена не отличалась рационализмом. Мы прежде делаем, а уже потом оцениваем. Так повелось «от века». Об этом писали многие, но мало что меняется. Читаем у П. Я. Чаадаева: «...всем нам не хватает какой-то

⁷ Цит по: Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М., 2018. С. 55.

⁸ Философский словарь. М., 1981. С. 91.

⁹ Евангелие от Матфея. 7:16;17;18;19.

устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. Силлогизм Запада нам незнаком. В лучших головах наших есть нечто, еще худшее, чем легковесность...». Растерянность, неуверенность встречаются во всех странах, однако только у нас «...это общее свойство»¹⁰.

Лучше не кажешь. Диагноз точный. И реакция абсолютно предсказуемая. Легче «высочайше объявить сумасшедшим» одного, чем меняться всем. Не единожды было замечено как иностранными наблюдателями (чаще), так и отечественными авторами (реже), что, затеяв в России любое начинание, мы уже на этой стадии ищем оправдания его половинчатости. Неудача как бы программируется в механизм нашей деятельности вообще и любой профессиональной в частности. Пресловутое «хотели как лучше, а получилось как всегда», — лучшее тому подтверждение. В. С. Черномырдин потому и пользовался всенародным признанием, что «глаголил истину» о нашей жизни. Б. Н. Ельцина нередко окружали почти демонические персонажи, которым на любовь народа претендовать не приходится. А тут случай особый, вполне объяснимый.

Любая деятельность, включая юридическую, есть сочетание опыта и знаний. Именно практика подпитывает теорию. Любые теоретизирования бесплодны, если они не опираются на реальность. И здесь Чаадаев к месту: «Таким образом, ясно, что человеческий разум не достигает самых положительных своих знаний чисто внутренней своею силой, а направляется непременно извне»¹¹.

Юридическая деятельность имеет сложный интеллектуальный характер. Кроме того, как уже отмечалось, она напрямую связана с определенной системой ценностей. Служение праву, без пафоса, есть служение истине и справедливости. Правда, сегодня категория «истина» уже практически не встречается в нормативных правовых актах процессуального характера по причине того, что истина недостижима, а стало быть, незачем ее искать. Однако истина и объективность — далеко не одно и то же.

В юридической литературе встречаются также предложения об исключении из нормативных правовых актов такой категории, как справедливость. Впрочем, как и многих других. Они якобы не имеют правового характера.

Аргументация во всех смыслах ущербная. Нормативно-правовые, правоприменительные и интерпретационные акты являются одновременно основой и результатом юридической деятельности и по определению, как принято говорить, не могут состоять только из правовых категорий. Это понятие очень условное, и никакого перечня правовых категорий нет и быть не может. Законность и справедливость, к примеру, могут и не совпадать. Но к этому нужно стремиться. Сократ, один из самых выдающихся мыслителей в истории человечества, в споре с софистами выразил это так: «Я утверждаю, что то, что законно, то должно быть и справедливо». Он, к сожалению, ничего рукописного не оставил. Однако эта позиция встречается в нескольких источниках в том или ином варианте.

В пункте 2 ст. 6 ГК РФ (применение гражданского законодательства по аналогии) говорится: «При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости».

Кстати, разумность отражает к тому же важнейшую характеристику любой деятельности, включая юридическую. Когда иные авторы пишут о том, что никаких закономерностей бытия общества и его отдельных сфер нет, то они просто не понимают, о чем говорят. По соображениям профессиональной этики опускаю имена и работы. Совершенно очевидно, что *любая деятельность является разумной и рациональной только тогда, когда она осуществляется в границах выявленных законов и закономерностей*. Если же их игнорировать, то человек, общество и государство могут оказаться в «неловком положении». Одним сло-

---

¹⁰ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. СПб., 2014. С. 38.

¹¹ Чаадаев П. Я. Указ. соч. С. 80.

вом, «как всегда». Смягчим ради соблюдения законов жанра.

Деятельность принято рассматривать и с психологической стороны. Это как раз тот случай, когда советская психологическая наука даже несколько опередила западную. Анализ деятельности посвятили свои работы выдающиеся ученые, такие как М. Я. Басов, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн. В психологии как сфере научного знания «деятельность — динамическая система взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходит возникновение и воплощение в объекте психического образа и реализация опосредованных им отношений субъекта в предметной действительности»¹².

Советская психологическая наука отстаивала единство психики и деятельности; введение принципов развития и историзма позволило квалифицировать деятельность как движущую силу развития психического отражения.

В психологии «деятельность» используется в качестве объяснительного принципа. Это позволило как сформировать различные отрасли психологии (общая, медицинская, юридическая и т.д.), так и изучать такие явления психики, как эмоции, воля, мотивы. Эти категории имеют очень важное значение как для теоретической, так и для практической деятельности.

Один из примеров. Правоприменение является разновидностью юридической деятельности. В этой связи В. В. Лазарев констатирует: «...в многофакторном воздействии на правоприменяющего субъекта важно различить то, что оказывает влияние вместе и в унисон с правом, а что — помимо и даже вопреки праву. Поскольку некоторые из этих факторов относятся непосредственно к элементам психической жизни, а все внешние факторы так или иначе проходят через волю и сознание правоприменителя (иногда отражаются и на подсознательном уровне), постольку существует и нуждается в описании психологический аспект правоприменения»¹³.

В социологии чаще всего деятельность сопряжена с такими категориями, как социальное действие, социальные коммуникации, которые так или иначе привязаны к проблеме «социальная система». По мнению Т. Парсонса, социальная система состоит из множества индивидуальных действующих лиц, взаимодействующих друг с другом в ситуации, которая обладает по меньшей мере физическим аспектом или находится в некоторой среде действующих лиц, мотивации которых определяются тенденцией к «оптимизации удовлетворения», а их отношение к ситуации, включая отношение друг к другу, определяется и опосредуется системой общепринятых символов, являющихся элементами культуры¹⁴.

Право — явление социальное и выступает порождением общества, отношениями, которые имеют в нем место. В силу этого юридическая деятельность является разновидностью социальной деятельности. Профессия юриста является социально значимой в тех обществах, где право как универсальный регулятор общественных отношений пользуется уважением и признанием за способность предотвращать или «юридизировать» возникающие социальные конфликты.

Юридическая деятельность — преимущественно профессиональная деятельность. Обычно в структуре профессиональной юридической деятельности, как и в юридической профессии, выделяют четыре компонента. Во-первых, это юристы, т.е. группа людей, занятых юридической деятельностью. Соответственно, каждый из них в отдельности занят в специфической сфере юридической деятельности, например занимается адвокатской практикой. Во-вторых, это те или иные структуры, в рамках которых отдельный юрист осуществляет свои профессиональные функции. В-третьих, юристы наделяются тем или иным социальным статусом в зависимости от того, в какой структуре они заняты. Четвертым компонентом является ценностная

¹² Психология : словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 101.

¹³ Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань : Издательство Казанского университета, 1982. С. 8.

¹⁴ Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренькова. М., 1994. С. 450.

и нормативная составляющая юридической профессии, объективированная в праве и профессиональной этике¹⁵.

Существуют различные подходы к пониманию юридической деятельности и даже к профессиональной юридической деятельности. Вольно или невольно различные авторы выходят на проблему юридической практики. Такой подход вполне справедлив и, как говорят в таких случаях, имеет право на существование. Конечно, любая профессиональная деятельность объективируется в определенных социальных практиках. Тем не менее ставить между ними знак равенства все-таки не стоит.

Юридическая практика предметна. Юридическая деятельность включает не только внешнюю форму, но и внутреннюю. Во втором случае она предполагает познание социальной действительности или ее отдельного фрагмента. Социологи называют это ситуацией или социальным фактом. Кроме того, предстоит создать (выбрать) нормы, с помощью которых их можно будет регулировать — как на макроуровне (правотворчество), так и на микроуровне (индивидуальное правовое регулирование или правоприменение).

Исходя из этого, *под профессиональной юридической деятельностью следует понимать деятельность юристов-профессионалов, представителей всех юридических профессий в сфере правотворчества, правореализации и правоохраны, осуществляемую на основе права, в правовых формах и направленную на достижение целей, установленных правом*¹⁶.

В настоящее время перед наукой, включая юридическую, возникло новое предметное поле — виртуальное пространство как таковое,

а применительно к проблематике статьи — деятельность и социальные коммуникации в нем. Здесь пока больше проблем, чем способов их решения.

В литературе отмечается ряд принципиальных отличий коммуникаций, а значит, и деятельности как в киберпространстве, так и вне его. Большинство людей склонны воспринимать онлайн-среду в некотором смысле как нереальную или по крайней мере не такую реальную, как физический мир. Онлайн-среда, как правило, не так убедительна по сравнению с очевидностью реального мира. Кроме того, в этой среде минимизируются этические и моральные стандарты взаимодействия, что порождает повышенную конфликтность виртуальной среды¹⁷.

Разумеется, цифровые технологии серьезным образом меняют сферу права в целом и юридическую деятельность в частности. Достаточно давно пишут об «электронном правосудии», «электронном государстве», «электронной демократии» и пр. Цифровые технологии действительно применяются в различных сферах юридической деятельности. Тем не менее суть этой деятельности остается прежней. Меняются, совершенствуются «гаджеты». Машины помогают человеку. Всё это так. Однако формы не подменяют, а тем более не отменяют сущность и содержание. Право будет существовать ровно столько, сколько отпущено нашей цивилизации. Регулирование никуда не исчезнет. Если человек будет привлекать для этого «машину», то это только на пользу. Хотя здесь возникает множество проблем. В частности, риски. Но это совсем другая тема.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренькова. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — 496 с.
2. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 336 с.

---

¹⁵ Корнев А. В. Социология права. М., 2016. С. 196–197.

¹⁶ Корнев А. В. Указ. соч. С. 199.

¹⁷ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018. С. 217.

3. Гончаров И. А. Обломов. — М. : Художественная литература, 1985. — 383 с.
4. Корнев А. В. Социология права. — М. : Проспект, 2016. — 336 с.
5. Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. — Казань : Издательство Казанского университета, 1982. — 144 с.
6. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. — М. : Издательство политической литературы, 1990. — 494 с.
7. Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. — 304 с.
8. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М. : Издательство политической литературы, 1981. — 445 с.
9. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. — СПб. : Лениздат, 2014. — 288 с.
10. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. — М. : Эксмо, 2018. — 320 с.

Материал поступил в редакцию 9 декабря 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Amerikanskaya sociologicheskaya mysl' : teksty / pod red. V. I. Dobren'kova. — M. : Izd-vo MGU, 1994. — 496 s.
2. Giddens E., Satton F. Osnovnye ponyatiya v sociologii. — M. : Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2018. — 336 s.
3. Goncharov I. A. Oblomov. — M. : Hudozhestvennaya literatura, 1985. — 383 s.
4. Kornev A. V. Sociologiya prava. — M. : Prospekt, 2016. — 336 s.
5. Lazarev V. V. Social'no-psihologicheskie aspekty primeneniya prava. — Kazan' : Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1982. — 144 s.
6. Psihologiya : slovar' / pod obshch. red. A. V. Petrovskogo i M. G. Yaroshevskogo. — M. : Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1990. — 494 s.
7. Skinner K. Cifrovoy chelovek. Chetvertaya revolyuciya v istorii chelovechestva, kotoraya zatronet kazhdogo. — M. : Mann, Ivanov i Ferber, 2019. — 304 s.
8. Filosofskij slovar' / pod red. I. T. Frolova. — M. : Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1981. — 445 s.
9. Chaadaev P. Ya. Apologiya sumasshedshego. — SPb. : Lenizdat, 2014. — 288 s.
10. Shvab K. Tekhnologii chetvertoj promyshlennoj revolyucii. — M. : Eksmo, 2018. — 320 s.